
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ НРАВСТВЕННОСТИ
КАК ОБЛАСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2013 г. А. Л. Журавлев*, А. В. Юревич**

*Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва;

**Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора по науке, там же

Анализируется активно развиваемое в последние годы в Институте психологии РАН направление – психология нравственности. Авторы рассматривают ее предысторию, основные проблемы, состояние и перспективы их изучения, опираясь на материалы проводимых в Институте психологии исследований и изданных на эту тему сборников. Выделяются шесть основных разделов психологии нравственности: общие психологические проблемы морали и нравственности; социально-психологические механизмы формирования и распространения в обществе различных моральных систем; механизмы интериоризации морали и ее трансляции на уровень индивидуальной нравственности; нравственно-психологическое состояние современного российского общества; нравственно-психологические основы негативных социальных явлений; поиск путей повышения нравственности в обществе.

Ключевые слова: психологическая наука, мораль, нравственность, безнравственность, психология нравственности, современное российское общество, нравственная элита, массовое сознание.

Большую часть отраслей психологической науки принято характеризовать как имеющие долгое прошлое (обычно отмеряемое от начала философского осмысления соответствующих проблем в античном мире), короткое настоящее и мало определенное, но очень перспективное будущее. Психология нравственности не является исключением. Ее истоки восходят к философской этике, всегда проявлявшей большой интерес к психологическим проблемам, а с недавних пор стремящейся к эмпирической проверке своих базовых положений средствами психологии. Причем к такому “переплетению” двух дисциплин призывают как философы (например, Р. Рорти), так и психологи (О. Флэнеган и др.) [3]. Ее актуальность возрастает соответственно повышению значимости ее предмета – нравственных проблем современного общества и их психологической составляющей, которую, в свою очередь, принято связывать с такими факторами, как глобализация, секуляризация, научно-технический прогресс, плюрализация современного общества, доминирование в нем индивидуализма, чувствительно коснувшегося даже традиционно коллективистических цивилизаций [4], и т.п. В результате действия этих и других по-

добных факторов современный социум, в отличие от традиционного, характеризуется сосуществованием, а нередко и противостоянием различных нравственных систем – моралей (характерно, что за рубежом этот термин часто употребляется во множественном значении), что существенно видоизменяет традиционную роль нравственности в качестве одного из главных регуляторов человеческого поведения, порождая множество социальных проблем и коллизий. Обостряются и более специальные морально-нравственные проблемы, такие, как, например, моральная допустимость смертной казни, абортов, эвтаназии, клонирования и др., причем в общественном мнении возможность юридической легитимизации соответствующих практик напрямую связывается с их моральным оправданием. Крайне остро, особенно в культурах, осваивающих основы демократии, стоит и проблема сочетания свободы личности с ее ответственностью перед обществом, тоже имеющая очевидную нравственно-психологическую составляющую.

Психология морали/нравственности развивается в ряде зарубежных стран, хотя пока трудно констатировать ее принадлежность к ведущим областям психологического исследования (сказывается ее вышеупомянутое “короткое настоя-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-03-00513а) и (проект № 12-06-00208а).

щее”). Причем, по понятным причинам, эта область исследования имеет выраженный кросс-культурный характер, а одним из ее главных приоритетов служит трансформация традиционных нравственных ценностей таких культур, как китайская или индийская, под влиянием глобализации, возрастания личной свободы граждан и индивидуализма [4].

Эта проблематика всегда вызывала большой интерес у отечественных психологов, не слишком часто делавших ее предметом специального изучения, но систематически обращавшихся к ней в контексте других проблем. В то же время обращение к ней как к тематике, имеющей самостоятельное значение, и как консолидирующему основанию осмысления других вопросов, состоялось лишь в последние годы, что было ознаменовано изданием в Институте психологии РАН посвященных ей книг: “Психология нравственности” (2010) и “Психологические исследования духовно-нравственных проблем” (2011), третья книга – “Нравственные проблемы современного российского общества: Психологический анализ” – находится в печати. В эти книги вошли статьи авторов, изучающих различные проблемы – от психологических основ духовности до психологических детерминант суицидального терроризма и мошенничества, которые имеют прямое отношение к тематике психологии нравственности.

Настоящая статья является попыткой обозначить некоторые основные идеи и результаты исследований, проведенных в последнее время по данной проблематике, ни в коей мере не подразумевая при этом, что не упомянутые здесь исследования не заслуживают внимания.

Среди важнейших концептуальных проблем, вызывающих наибольший интерес исследователей, – *проблема соотношения морали и нравственности*, традиционно характерная для философской этики, но с неизбежностью возникающая и в эмпирических дисциплинах, затрагивающих эту проблематику. В.В. Знаков отмечает, что “проблема соотношения морали и нравственности для современной российской психологии имеет первостепенное значение, потому что происходящие в нашей стране в последние два десятилетия изменения (форм собственности, национального сознания, правовых форм и т.п.) коренным образом изменяют взаимоотношения между людьми. Вследствие этого чрезвычайно актуальной становится проблема соблюдения моральных норм и различий в их понимании разными социальными и этническими группами людей” [1, с. 413].

Автор справедливо отмечает, что в зарубежной психологии (точнее было бы сказать: в ее англо-американской традиции – А.Ж., А.Ю.) понятие “мораль” по существу поглотило понятие “нравственность”: существует такая исследовательская область, как психология морали, но отсутствует психология нравственности.

Что же касается отечественной психологии, то В.В. Знаков выделяет в ней две позиции. Первую он связывает с Б.С. Братусем, согласно которой трактовка категории “нравственность” включает в себя категорию “мораль”. Вторую позицию он усматривает в том, что мораль у нас принято считать формой общественного сознания (автор отмечает, что здесь, очевидно, сказывается марксистская традиция), а о нравственности принято говорить применительно к конкретному субъекту. То есть мораль “локализуется” на уровне общества, а нравственность выступает продуктом ее принятия и усвоения личностью.

Именно здесь отчетливо обозначаются основные проблемы *моральной социализации*, диктующие острую необходимость различения этих категорий. Современное общество плюралистично в моральном отношении и, в отличие от традиционного социума, характеризуется не какой-либо одной однозначно доминирующей моралью (христианской, коммунистической и др.), а сосуществованием различных *моралей*. Так называемая “общечеловеческая” (христианская или мусульманская?) мораль тоже является абстракцией, разные личности ориентированы на разные моральные нормы, перевод которых на уровень индивидуальной нравственности порождает очень разнообразные и плохо предсказуемые результаты.

Следует отметить и то, что получившие наибольшую известность в психологии концепции моральной социализации – теории Ж. Пиаже, Л. Колберга, К. Джилиган, Дж. Реста и др. – делают акцент на факторах, оказывающих основное влияние на усвоение индивидом общих моральных принципов, т.е. на их трансформации в нравственную позицию личности. В этой системе координат отчетливо проявляются и специфические особенности российской моральной социализации, состоящие в том, что если в западных странах она происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам (вторая стадия моральной социализации по Л. Колбергу), то у наших сограждан наблюдается либо “застывание” на первой стадии, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо “перескакивает” на третью стадию,

опирающуюся на высшие этические принципы и совесть, на что обращает внимание в своей работе М.И. Воловикова [1, с. 75]. Отсюда, в частности, проистекает особое российское отношение к соотношению морали и закона: “Общей характеристикой российского правосознания, отмечаемой во все периоды нашего исследования (эмпирическое исследование М.И. Воловиковой включало три временных среза – А.Ж., А.Ю.), является опора на нравственные принципы” [там же, с. 75].

Ю.И. Александров, В.В. Знаков и К.Р. Арутюнова понимают мораль как выражение коллективного интереса, как такое поведение индивидов, благодаря которому сообщество, в частности государственная организация, лучше сохраняется (Т. Гоббс), как инструмент для согласования индивидуальных действий в целях организации коллективной деятельности (Р. МакИвер, К. Пейдж и др.) При этом они отмечают, что в большинстве этических учений нравственность отождествляется с моралью, что нашло выражение и в ряде философских словарей, где нравственность определяется как синоним морали. Сами авторы, опираясь на ряд зарубежных источников, так определяют соотношение между этими понятиями: “Моральное воспитание, обучение, развитие ... индивида в обществе есть формирование нравственности” [2, с. 344].

Большое внимание исследователями уделяется истории изучения морали и нравственности в отечественной психологии. И.А. Мироненко отмечает, что в нашей психологической науке наиболее влиятельной парадигмой исследований нравственного развития традиционно была культурно-историческая теория (Л.С. Выготский) и разработанный на ее основе деятельностный подход (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович). В русле этой парадигмы нравственное развитие рассматривалось как присвоение ребенком моральных норм, как их интериоризация и дальнейшая реализация в нравственном поведении, а мораль – в социоцентрическом контексте – как форма общественного сознания [2]. Большинство же современных российских исследователей психологических проблем морали и нравственности ищут, по ее мнению, ориентиры, опираясь на одно из трех концептуальных оснований: 1) экзистенциально-гуманистическую психологию (А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. Роджерс, В. Франкл и др.); 2) христианскую религию и работы отечественных философов начала XX в. (В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, М.М. Бахтин, Н.О. Лосский, Г.И. Гурджиев и др.); 3) социобиологию (Д.С. Уилсон, Р. Докинз). Причем, как счи-

тает И.А. Мироненко: “Каждое из этих трех направлений поиска возникло в российской науке, как это часто бывает в истории науки, в качестве своего рода протеста против марксистской социоцентрической парадигмы, господствовавшей в предшествующий период” [2, с. 20].

Большое значение среди истоков современных отечественных исследований психологии нравственности придается также трудам С.Л. Рубинштейна, в частности, развитию им понимания поступка как “имплицитного суждения” [2; и др.]. Л.М. Попов и А.О. Максумова видят в С.Л. Рубинштейне, наряду с Э. Фроммом, одного из основателей психологической этики или этической психологии [там же]. Они устанавливают и дальнейшую преемственность: «Введением понятия “нравственная психология” в российскую психологическую культуру 1990-х годов Б.С. Братусь как бы продолжает линию С.Л. Рубинштейна и считает, что общим пространством, точкой пересечения этики и психологии является отношение к другому как к самооценности» [2, с. 96–97].

Отмечается и возникновение новых ответвлений психологической науки под влиянием духовно-нравственной проблематики. В частности, Л.М. Попов и А.О. Максумова констатируют, что “Этическая ветвь психологии личности все более трансформируется в этическую психологию (еще одно обозначение психологии нравственности – А.Ж., А.Ю.)” [2, с. 95], а “Этическая психология личности формируется на стыке этики и психологии нравственности” [там же, с. 97]. Подобные процессы служат очередным подтверждением значимости духовно-нравственной тематики для современной психологии, но одновременно они иллюстрируют и нарождающуюся в этой связи проблему – необходимость различения и систематизации соответствующих разделов психологической науки – этической психологии, психологии морали, психологии нравственности, духовно-нравственной психологии и др.

Значительное внимание исследователи уделяют нравственному состоянию современного российского общества, давая ему весьма пессимистические характеристики. «Разрушение ценностно-нравственных основ, традиций, сложившейся бытовой морали привели к морализации общества под лозунгами “обогащения” и “толерантности” (в том числе и к импортированным перестроечным порокам вроде гомосексуализма и ростовщичества)», – пишет В.Е. Семенов [1, с. 63]. По мнению М.И. Воловиковой, “Нравственное состояние советского общества было в целом несопоставимо с современным” [2, с. 31].

А.В. Юревич и Д.В. Ушаков демонстрируют нравственное состояние нашего общества количественными показателями, такими как: первое место нашей страны в Европе и СНГ по количеству убийств на 100 000 жителей; 2-е место по количеству беспризорников; 1-е место среди стран с переходной экономикой по индексу Джини, выражающему неравномерность распределения доходов; 146-я в мире позиция из 180-и возможных по индексу коррупции и т. п. Ужасают и данные о том, что у нас ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения; от жестокости родителей страдают 2 млн. детей, а 50 тыс. – убегают из дома; пропадают 25 тыс. несовершеннолетних; 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесённых мужьями; насилие над жёнами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвёртой семье; 12% подростков употребляют наркотики; более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в нашей стране; около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу; детское и подростковое “социальное дно” охватывает не менее 4 млн. человек; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности; в современной России насчитывается около 50 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов, и т.п. [2]. Угнетают не только масштабы подобных явлений, демонстрирующие все большую “экстремализацию зла” в нашем обществе, но и своего рода “толерантность” к ним, оттеснение их на периферию общественного сознания такими его куда более действенными раздражителями, как скандальные выходки поп-звезд или политиков.

В подобных условиях естественно, что авторы исследований, в основном сосредоточенные на психологических проблемах нравственности, в силу естественной логики анализа отдают должное и противоположному – безнравственности, основным причинам и формам нарушения нравственных норм. Названия соответствующих работ достаточно красноречивы: “Антисоциальная социализация”, “Психология зла”, “Психодиагностика нравственных детерминант мошенничества”, “Духовно-нравственные основы суицидального терроризма”, “Физическое и виртуальное насилие: перспектива взаимовлияния реальностей” и т.п. Общим знаменателем подобных текстов, в большом объеме представленных в публикациях, служит представление о нарушении нравственных механизмов регуляции поведения как об одной из первостепенных причин негативных социальных явлений.

Как обычно бывает в подобных случаях, авторы характеризуют современные российские СМИ, особенно телевидение, в качестве одного из главных институтов снижения нравственности в нашем обществе. “Порождение и распространение безнравственности нередко оказывается значительно более эффективным по сравнению с влиянием на развитие нравственности в обществе. Примерами тому может служить работа отдельных электронных СМИ, создающих и культивирующих символы вседозволенности и распушенности, пропагандирующих криминальную героину, физическое насилие и агрессию, рекламирующих безнравственные устремления и поведение и т.п.” – пишут А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко [2, с. 215]. Превращение СМИ в один из главных социализирующих институтов современного российского общества констатирует В.А. Соснин, подчеркивающий, что они в этом качестве все более явно вытесняют влияние книг, семьи и школьных учителей [2].

О.И. Маховская и Ф.О. Марченко считают, что, если не подвергать телевидение ограничивающей психологической экспертизе, оно вносит существенный вклад в нарастание “экзистенциального вакуума”, “когда транслируемые с экранов нормы и ценности находятся в противоречии с традиционными, социально и культурно закрепленными в сознании зрителей” [2, с. 440]. По их мнению, работающие на телевидении, как правило, некомпетентны в психологических вопросах. В частности, за последние годы были созданы пять телеканалов, претендующих называться “детскими”, производители ни одного из которых не знали, как учитывать возрастные, половые, личностные и социальные характеристики детской аудитории [там же].

В.Е. Семенов отмечает, что для нашего телевидения характерна “масса телевизионных передач, посвященных самому вульгарному и бездушному сексу по общедоступным каналам (т. е. доступным и детям, и подросткам), маньяки, бандиты и сыщики в переполненных насилием бесконечных сериалах, стриптизерши, проститутки и гомосексуалисты как поведенческие модели для подражания, нецензурная лексика ...” [1, с. 64]. При этом он подчеркивает, что “педагоги и общественность неоднократно обращались в Правительство, Госдуму, к Президенту с требованием запретить развращение молодежи, но ответ был по сути один: не хотите – не смотрите. Научные психологические данные сотен экспериментальных исследований о негативном влиянии обилия сцен насилия и порнографии на телевизионном

экране, полученные в разных странах, в первую очередь в США, не убеждают наших политиков и олигархов” [там же, с. 64–65]. В связи с этим следует отметить, что вообще “либералогема” “не хотите – не смотрите” (“не хотите – не покупайте” и т.п.) очень характерна для наших нынешних (псевдо)либералов, и остается лишь удивляться, почему она до сих пор не распространяется ими, например, на продажу наркотиков, что было бы для них вполне последовательным.

В связи с этим проявляется любопытная черта нашего массового сознания, которая вполне вписывается в традиционную мысль о противоречивости и “загадочности” *российского менталитета*. Как подчеркивает В.Е. Семенов, “инфраструктура порока в стране функционирует эффективней, чем все прочие инфраструктуры” [1, с. 64]. Как демонстрируют подсчеты телевизионных рейтингов, превратившиеся в целую индустрию, “порочные” телеканалы и телепередачи наши сограждане смотрят охотнее, чем такие телеканалы, как, скажем, “Культура”. Еще одна “либералогема” – не запрещать “порочные” программы, а делать “непорочные” более интересными, чтобы они могли конкурировать с “порочными” – психологически безграмотна, ибо, как свидетельствует вся история человечества, на добродетелях нельзя заработать больше, чем на пороках. Отдавая предпочтение аморальным телепередачам, тем не менее большинство наших сограждан одновременно выступает за нравственный контроль над телевидением, за который высказались 85% опрошенных В.Е. Семеновым респондентов [там же]. Т.е. ответом на “либералогему” “не хотите – не смотрите” служит парадоксальная, но лишь на первый взгляд, формула общественного сознания: “смотреть хотим, но вы нам не показывайте”.

Не менее нелепо звучат и другие “либералогемы”, служащие своего рода визитными карточками тех, кто в современной России узурпировал либеральное поле, вытеснив оттуда истинных либералов-интеллигентов: “Можно все, что не запрещено законом”, “Запреты неэффективны” и т.п. Первая из них фактически вычеркивает мораль и нравственность из числа регуляторов человеческого поведения, вторая порождает образ общества, где вообще отсутствуют запреты и ограничения, в сочетании же друг с другом они создают утопию, способную существовать только на страницах фантастических литературных произведений. Тем не менее наши (псевдо)либералы провозглашают их всерьез, ни в коей мере не смущаясь их абсурдностью и невыполнимостью.

В подобном контексте естественно возникает вопрос о том, что могло бы противостоять СМИ, (псевдо)либералам и другим источникам безнравственности в нашем обществе и служить опорой восстановления в нем нравственных начал. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко основные надежды в этом плане возлагают на *нравственную элиту*, выделяя такие ее признаки, как: 1) участие в общественно полезной деятельности, служащей общественно полезным целям; 2) строгое следование нравственным принципам; 3) способность к решению нравственных задач и проблем; 4) способность влиять на других людей; 5) тенденция оказывать безвозмездную помощь другим людям, приносить жертвы ради них, заниматься благотворительной деятельностью [2]. По их мнению, “основная социальная функция нравственной элиты в обществе – это сохранение и поддержание, воспроизводство и трансляция новым поколениям абсолютных, универсальных, наиболее устойчивых, стабильных и проверенных историческим временем *нравственных регуляторов* (нравственные принципы и смыслы, ценности и идеалы, нормы и правила и т.д.) жизнедеятельности человека в обществе” [там же, с. 227]. Авторы подчеркивают, что “необходимость и реальное выполнение данной функции наиболее ярко видны в условиях общественных (экономических, политических и т. п.) кризисов” [там же]. Для того чтобы лучше понять, что представляет собой нравственная элита, имеет смысл сопоставить ее с антиподом – безнравственной элитой, т. е. с теми социальными слоями, которые, в силу главенствующего положения в современном российском обществе, принято называть элитой, и которым, в их большей части, свойственна практически нескрываема безнравственность.

В макросоциальной плоскости видят основные перспективы возрождения нравственности в нашем обществе также А.В. Юревич и Д.В. Ушаков. Они акцентируют необходимость таких мер, как: 1) формирование у наших сограждан – с помощью системы образования и др. – адекватного понимания свободы, которую сейчас многие из них воспринимают как полное отсутствие запретов и ограничений; 2) возрождение институтов морального контроля над гражданами; 3) установление существующего во всех цивилизованных странах и отнюдь не являющегося “недемократическим” общественного контроля над СМИ; 4) придание наиболее важным нравственным нормам статуса законов и введение соответствующих санкций за их нарушение; 5) декриминализация нашего общества и его бытовой культуры; 6) широкое

привлечение психологов, социологов и представителей других близких профессий к разработке законов, которые, как подчеркивают авторы, являются не просто юридическими нормами, а *наиболее общими правилами социального взаимодействия* [2].

Необходимость активной законодательной деятельности “по обузданию инфраструктуры и пропаганды порока и насилия”, а также широких общественных инициатив по возрождению нравственности, в частности, в виде создания соответствующих массовых организаций, констатирует В.Е. Семенов [1]. Он убежден в том, что “системообразующим фактором работы с молодежью, школьниками и студентами должно быть духовно-нравственное воспитание” [там же, с. 68], а главным “национальным проектом” в стране в настоящее время надлежит стать проекту “Духовно-нравственное преображение России” [там же].

Авторами исследований предлагаются и более специальные, собственно психологические меры возрождения нравственности. Отмечается, что “в настоящее время в психологии активно формируется научно-практическое направление по созданию, в частности, тренинговых технологий работы с людьми, направленных на актуализацию положительных, в том числе духовно-нравственных качеств человека” [2, с. 233]. А.В. Сухарев приводит интересные данные о применении разработанного им этнофункционального подхода, в частности, основанной на нем методики применения образов фольклора и природной среды в целях снижения употребления молодежью психоактивных веществ [2]. О.И. Маховская и Ф.О. Марченко описывают собственный позитивный опыт подготовки телепрограммы “Улица Сезам”, направленной на улучшение отношения детской аудитории к детям-сиротам и детям-инвалидам. Сделанный ими вывод звучит оптимистично в отношении не только этого опыта, но и нашего телевидения в целом: “Психологи уже сегодня могут влиять на эффективность и социальную значимость телевизионных программ, превращая их из способа развлечения в инструмент социализации детей из разных социально-экономических, культурных, этнических групп” [2, с. 456–457]. Слово “могут”, впрочем, скорее характеризует их *потенциальную* способность улучшить содержание нашего телевидения и его влияние на аудиторию. В настоящее же время, во-первых, этот потенциал практически не используется, во-вторых, на наших телеэкранах в качестве “психологов” нередко фигурируют весь-

ма одиозные и далекие от психологии личности, вплоть до астрологов и колдунов, и именно такой образ психологии активно закрепляется в массовом сознании. В результате, как показывают опросы, большинство наших сограждан имеют сильно искаженные представления об этой профессии, плохо отличая “настоящих”, т.е. имеющих соответствующее образование, психологов, от псевдопсихологов и эзотериков.

Среди различных социальных групп современного российского общества, в которых разрушение его нравственных основ представлено наиболее рельефно, особое внимание уделяется молодежи. Так, С.К. Бондырева, Г.В. Безюлева и Д.В. Сочивко отмечают, что нестабильность в обществе порождает нестабильность и неопределенность в молодежной среде. Нынешняя российская молодежь, в отличие от старшего поколения, сформировалась в эпоху кризиса и впитала в себя соответствующие характеристики социальной среды, в первую очередь такие, как прагматизм и приоритет материальных ценностей, а общечеловеческие нравственные ценности имеют для нее довольно абстрактный характер [2]. С этим согласуются и данные о том, что значительная часть нынешней молодежи вообще не пользуется категориями добра и зла, нравственно приемлемого и неприемлемого, предпочитая им такие понятия, как выгодно–невыгодно, “круто – не круто” и т.п. [1]. А по данным Е.Ю. Стрижова, около 85% нашей молодежи не видят в мошенничестве ничего дурного, считая его вполне приемлемым способом зарабатывания денег [1].

Дефицит духовных идеалов и недостижимость завышенного уровня материальных притязаний порождают в молодежной среде массовое ощущение бессмысленности существования, что приводит к широкой распространенности различных форм девиантного поведения и употребления психоактивных веществ. При этом традиционные институты социализации – семья, школа, учреждения профессионального образования и др. – утрачивают свое влияние, а образовавшиеся пробелы заполняются легкодоступными носителями информационного продукта, в первую очередь СМИ [2]. На основе проведенного обследования С.К. Бондырева с соавторами описывает основные характеристики современной российской молодежи, среди которых выделяет такие, как социальная незрелость; неготовность брать на себя ответственность за собственную жизнь, семью и неудачи; инфантильная, незрелая позиция в отношении института семьи; использование в качестве основных источников информации теле-

видение и Интернет; низкий интерес к политике; высокий уровень самоуверенности и нетерпимости и др. Вместе с тем исследователи констатируют, что довольно трудно говорить о молодежи как об однородной демографической группе, “скорее речь идет о принципиально различных типах современной российской молодежи внутри одного поколения” [там же, с. 263], а молодежная субкультура характерна главным образом для мегаполисов и крупных городов [там же].

В.Е. Семенов тоже обращает внимание на различия между молодежью, проживающей в мегаполисах и в малых городах. Проведенное им исследование демонстрирует, что провинциальная молодежь, по сравнению с петербургской, больше ориентирована на идеал справедливости и меньше – на деньги, а “в целом мозаично-эклетикический менталитет по-прежнему преобладает в молодежной и студенческой среде” [1, с. 67]. Автор с сожалением констатирует, что «в 1990-е годы понятие “воспитание” почти исчезло из сферы отечественного образования и молодежной политики, из СМИ» [там же, с. 63]. Нетрудно заметить очень агрессивное отношение тех, кого у нас принято называть либералами (отечественные политологи предпочитают применительно к данной категории лиц термин “псевдолибералы”, имея ввиду их весьма отдаленное отношение к истинным либералам), в т.ч. и занимающих видные позиции в нашей системе образования, к этому понятию. Очень симптоматично, что тезис А.С. Макаренко об образовании как единстве обучения и воспитания предан ими забвению, вытесненный понятием “образовательные услуги”, которое предполагает существенное изменение статуса педагога, его фактическое сведение к статусу официанта, и вполне закономерно, что, как показывают опросы, открытый мат на уроках практикуется примерно в половине наших школ, да и избивание учителей школьниками и их родителями стало привычным явлением.

Одной из тем, одновременно развиваемых разными авторами, является *духовно-нравственная типология личности*. Л.М. Попов и А.О. Максумова в основу выстроенной ими типологии кладут два критерия: духовность–бездуховность и преобразование–созерцание, выделяя на их основе следующие типы: аполлон; религиозный; гуманист; плодотворный (“творец”); аристократ; герой (справедливый, борец); любимый; виноватый; приспособленец (терпеливый, конформист); сомневающийся; нудный; потерянный; авторитарный; тяжелый; товарный; потребитель; скупой;

жадный; хитрец; злой; разрушитель (деструктивный); интриган; провокатор; жестокий [2]. Смысл этих типов в большинстве случаев очевиден из их названия. А.Б. Купрейченко и А.Е. Воробьева выделяют такие типы нравственного самоопределения личности, как: 1) теоретик²; 2) отстраненный; 3) конформист; 4) релятивистско-эгоцентрический; 5) поборник нравственности; 6) приверженный нравственным нормам; 7) социально-нормативный [2].

А.Б. Купрейченко и А.Е. Воробьева предпринимают попытки систематизации с точки зрения психологии и главного изучаемого ими объекта – нравственности. Они подходят к его исследованию на основе категории “нравственное самоопределение” (личности, различных социальных групп и др.), выделяя в структуре этого феномена “нравственный стержень” и пластичную “оболочку”, сформированную четырьмя сегментами, которые образует самоопределение субъекта в отношении: 1) морали и нравственности; 2) объектов и явлений окружающего мира; 3) других людей, групп и общества в целом; 4) самого себя [2].

Можно предположить, что подобные систематизации разновидностей нравственного/безнравственного поведения, а также соответствующих типов личности и сегментов нравственного сознания будут активно разрабатываться и в дальнейшем, классифицируя и упорядочивая исследовательское поле психологии нравственности.

Видное место среди исследований занимает изучение отношения общественного мнения к специальным нравственным проблемам, актуальность которых для современного общества возрастает. Так, В.В. Знаков анализирует такие проблемы, как понимание моральной допустимости абортов и морально-нравственные основания отношения к эвтаназии. По поводу первых он напоминает, что первым государством, легализовавшим “аборт по просьбе” (трудящихся – А.Ж., А.Ю.) была советская Россия [2, с. 462], приводит данные о влиянии кросскультурных различий (сопоставив российскую и американскую выборки), пола, возраста, места проживания, религиозности и других характеристик респондентов на их восприятие этой проблемы. В отношении второй проблемы – эвтаназии (в переводе с греческого языка – “хорошая, благая смерть”) автор констатирует, что она является “одной из самых острых и неоднозначных проблем биоэтики, причем в большей степени моральной, чем медицинской”

² Сами авторы систематизации берут названия выделенных ими типов в кавычки.

[1, с. 422], по поводу которой врачи и юристы не имеют однозначного мнения. В то же время результаты опросов, приводимые автором, демонстрируют, что среди российских медиков количественно преобладают специалисты, считающие эвтаназию недопустимой. Среди ее противников врачи старших возрастных групп преобладают над молодыми, а мужчины – над женщинами (последний результат выглядит неожиданным). А собственное исследование В.В. Знакова показало, что на отношение к ней влияют не только пол и возраст, но также вера в Бога, уровень макиавеллизма и осмысленность жизни респондентов.

Среди изучаемых проблем представлены исследования и более глобальных социальных явлений, традиционно ассоциирующихся с безнравственностью, среди которых особое место занимает *насилие*. Интересный подход к его пониманию предлагает А.П. Назаретян. Он задается вопросом о том, как уровень насилия изменялся в истории человечества, вводя такой показатель, как *коэффициент кровопролитности* – отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения. Его расчеты показывают, что с эволюцией человечества этот коэффициент хотя и нелинейно, но снижался, т.е. люди убивали все меньше себе подобных в расчете на численность населения. Так, коэффициент кровопролитности в XX в. составил 0.0015 в год, в то время как во времена палеолита он был 0.05 в год – на несколько порядков выше. По мнению А.П. Назаретяна, снижение “коэффициента кровопролитности” не означало, что люди становились менее агрессивными, а происходило из того, что *совершенствовались социальные механизмы сублимации агрессии*, и это позволило человечеству, достигшему неограниченных технических возможностей саморазрушения, себя не истребить: “Если бы люди не осваивали все более надежные механизмы самоконтроля, соразмерные увеличивающимся возможностям разрушения, то трудно понять, как человечество могло бы дожить до наших дней” [2, с. 420].

Автор подчеркивает, что такое достаточно оптимистическое видение истории противоречит существующим в массовом сознании стереотипам, в частности, представлению о том, что каждый последующий век был более кровавым, чем предыдущий, а истекшее XX столетие превзошло в этом плане все предшествующие. Это расхожее представление он считает иллюзией, проистекающей из трех основных обстоятельств. Во-первых, применен в каждом последующем столетии более гуманистических стандартов, не-

жели в предыдущем, и, в результате, подведение под понятие насилия того, что прежде таковым не считалось. Во-вторых, подмены более правильных, по мнению автора, относительных критериев абсолютными, т.е. обращение к общему количеству жертв войн, бытовых преступлений и т.п., а не к их количеству в расчете на общую численность населения. В-третьих, европоцентризма соответствующих оценок: учета в основном того, сколько людей погибло в Европе, а не во всем мире (автор отмечает, что, например, в XX в. Европейские военные потери составили 65% соответствующих потерь всего мира, в то время как в XIX в. – не более 15%). Автор также обращает внимание на такие факторы, как политика СМИ, которые опираются на “зловещее очарование насилия и страха” [там же, с. 432], активно используют такие принципы, как “труп оживляет кадр” [там же, с. 428], и т.п. и в результате создают в массовом сознании образ современного социума как общества сплошного насилия. А.П. Назаретян приводит впечатляющие свидетельства жестокости прежних веков: от существовавших в разных культурах, в том числе в нашей, российской, практик избавления от новорожденных младенцев до традиций каннибализма, на фоне которых современное человечество, по крайней мере, его европейская часть, действительно выглядит менее жестоким.

Констатируемая автором “неправдоподобная точность показателей при противоречивости и труднодоступности исходных данных” [2, с. 495] в отношении количественных расчетов, уходящих далеко в историю, относима и к его собственным калькуляциям, хотя он и отмечает в данной связи, что, “когда вырисовываются различия такого диапазона, массой неточностей и неопределенностей допустимо временно пренебречь” [там же, с. 499]. Можно найти возражения и против применяемого им способа оценки “кровопролитности”, в логике которого “кровопролитность”, скажем, истребления отрядом карателей половины деревни, в которой жили 100 чел., и уничтожение половины населения 10-миллионного мегаполиса с помощью атомной бомбы, выглядит одинаковой. Но при всей внешней нелепости таких выводов (хочется надеяться на то, что они всегда будут носить чисто абстрактный характер) следует отметить, что типовые оценки выраженности насильственных преступлений и других подобных социальных явлений носят именно подобный характер, например, количество убийств, суицидов и т.п. рассчитывается на 100 000 населения – дабы сделать показатели разных стран сопоставимыми друг с другом.

Развиваемый А.П. Назаретяном подход подводит к очень важным – для оценки и истории, и современных тенденций в развитии человечества – выводам. Например, о том, что: “Настоящая проблема состоит не в том, что насилие в современном мире растет, а в том, что оно *недостаточно быстро сокращается*” [2, с. 421]. Очень важным в психологическом плане представляется и вывод о том, что «люди современной западной культуры, по сравнению со своими недалекими предками, сделались необычайно *чувствительными* к насилию и нетерпимыми к нему, равно как к боли, смерти, грязи и дурным запахам. Кто-то уже объявляет “убийствами” аборт по медицинским показаниям, а само понятие *насилия* возводится к немыслимым ранее сферам человеческих отношений» [там же, с. 425].

Не возражая в целом против существования подобной, внушающей оптимизм, тенденции в психологической эволюции человечества, можно возразить против ее достаточно *равномерной* представленности даже в западной культуре. А в современной России насилие и в абсолютном, и в относительном выражении (количество убийств на 100 000 населения и др.) в 1990-е годы обнаружилось значительные темпы роста. Отчетливо проявилось и “*привыкание*” к нему – феномен, обратный констатируемому А.П. Назаретяном. Он проявился и на бытовом уровне, и в бизнесе, и других сферах общественных отношений, где силовые способы “решения проблем” стали обыденной практикой, даже в действиях отдельных представителей правоохранительных органов, которые, скажем, избивание человека не считают достаточным поводом для возбуждения уголовного дела. Впрочем, возможно, в данном случае мы в очередной раз сталкиваемся с “нарушением” в нашей стране закономерностей, выведенных из анализа истории западного общества.

* * *

Не давая оценки представленным исследованиям в целом, тем не менее отметим то, в каком категориальном “поле” их авторы рассматривают тематику нравственности и в связи с какими проблемами ее изучают. Даже простое перечисление подобных проблем и категорий весьма показательно: духовность, социализация, справедливость, российское общество, личность, элита, молодежь, свобода, патриотизм, профессиональная деятельность, насилие, телевидение, ценности, воспитание, совесть, ментальность, счастье, доверие, деловое поведение, экономическое самоопре-

деление, зло, мошенничество, коррупция, наркомания, терроризм, эвтаназия и др. (перечислены, да и то не полностью, лишь основополагающие категории, вынесенные в названия проводимых исследований). Не претендуя на категориальный анализ этого поля, трудно не заметить его широту и присутствие в нем многих ключевых категорий психологической науки, а также обозначение ряда ключевых социальных проблем современного российского общества и современного мира в целом.

Описанные исследования и изданные на их основе книги являются *очередным* шагом, продолжающим заложенные ранее традиции в развитии отечественной психологии нравственности, отвечающие потребностям как современной психологической науки, так и социальной практики. Вопрос о том, какой термин для ее обозначения – этическая психология, психология морали, психология нравственности, и т.д. – более удачен, представляется преждевременным. Ни в коей мере не ограничивая эту исследовательскую область (подобное было бы невозможным), предлагаются основы ее систематизации путем выделения базовых, складывающихся в настоящее время ее разделов. Среди таковых сегодня наиболее рельефно представлены: 1) общие психологические проблемы морали и нравственности; 2) социально-психологические механизмы формирования и распространения в обществе различных моралей; 3) механизмы интериоризации морали и ее трансляции на уровень индивидуальной нравственности; 4) нравственно-психологическое состояние современного российского общества; 5) нравственно-психологические основы негативных социальных явлений; 6) поиск путей повышения индивидуальной нравственности и “моральности” общества. Представляется, что именно эти исследовательские направления сформируют основные контуры психологии нравственности в последующие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
2. Психология нравственности / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
3. Identity, character, and morality: Essays in moral psychology: Introduction / Ed. by O. Flanagan, F.J. Rorty. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1990. P. 1–15.
4. Nunner-Winkler G., Edelstein W. Morality in context: Advances in psychology: Introduction / Ed. by W. Edelstein, G. Nunner-Winkler. V. 137. Amsterdam: Elsevier, 2005. P. 1–24.

PSYCHOLOGY OF MORALITY AS AN AREA OF PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

A. L. Zhuravlev*, A. V. Yurevich**

**Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, Director
of the Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow;*

**** Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor,
deputy director for science, the same place.*

Psychology of morality – new area of psychological researches in the Institute of Psychology RAS is analyzed. Based on the results of carried out researches and Institute's publications the authors described its prehistory, main problems, condition and perspectives of study. Six main parts in the psychology of morality are marked out: general psychological problems of morality and moral standards; socio-psychological mechanism of forming and spreading of different moral systems in society; mechanisms of moral interiorization and its transmission to the level of individual moral; moral-psychological condition in modern Russian society; moral-psychological basis for negative social phenomena; the search for ways of society's morality increasing.

Key words: psychological science, moral standards, morality, immorality, psychology of morality, modern Russian society, moral elite, mass consciousness.